

**СИНОДАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КАТЕХИЗАЦИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**

Шестакова С.М., Балашова Е.Г.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
для проведения занятий, посвященных освещению подвига
НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ ЦЕРКВИ РУССКОЙ**

*Одобрено Отделом религиозного образования и катехизации
Русской Православной Церкви с номером 016-031-037*

*Допущено к распространению Издательским Советом
Русской Православной Церкви на основании заключения
Синодального отдела религиозного образования и катехизации
ИС Р16-645-3619*

Шестакова С. М., Балашова Е. Г. Методические материалы для проведения занятий, посвященных освящению подвига новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Методические материалы разработаны для педагогов образовательных организаций общего и дополнительного образования и предназначены для ознакомления обучающихся (от 14 лет и старше) с подвигом соотечественников, пострадавших в первой половине XX века за веру в Христа и верность Православной Церкви. Материалы также могут быть использованы для занятий с подростками в воскресных школах.

© Синодальный отдел религиозного образования и катехизации
Русской Православной Церкви, 2016

Пояснительная записка

Настоящие методические материалы разработаны в Синодальном отделе религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви.

Для образовательных организаций с религиозным (православным компонентом) и православных организаций дополнительного образования данные материалы рекомендуются в качестве учебного модуля «Новомученики и исповедники Церкви Русской», интегрированного в учебную дисциплину «Основы православной веры» (часть «История Русской Православной Церкви»).

В государственных и муниципальных образовательных организациях материалы могут быть использованы в преподавании учебных курсов, модулей православной культуры, при изучении истории России, в реализации духовно-нравственного направления внеурочной деятельности.

Встраивание этого модуля в образовательный процесс поможет сфокусировать внимание обучающихся на такой важной теме, как страдания наших соотечественников за веру Христову и верность Православной Церкви, и сформировать целостное представление о подвиге народа России в XX веке.

Методические материалы (учебный модуль) выстроены с учетом принципа хронологии и позволяют рассмотреть разные аспекты темы. При подготовке занятий рекомендуется учитывать региональный компонент.

Изучение материалов модуля может проводиться как в урочной форме, так и с использованием выездных занятий в традициях музейной педагогики, паломнических поездок. Сохранению памяти о новомучениках и исповедниках, их почитанию и ознакомлению с их наследием в значительной мере способствуют встречи с родственниками, духовными чадами, с учеными и исследователями, авторами книг и других публикаций об их жизни, участие в различных просветительских мероприятиях: тематических книжных выставках, конференциях и семинарах, просмотрах фильмов.

По итогам изучения модуля рекомендуется защита творческих работ – рефератов, докладов, эссе, а также проведение научно-практических конференций, выставки творческих работ и др.

Цель

Целью освоения учебного модуля «Новомученики и исповедники Церкви Русской» является формирование целостного представления о значении и содержании подвига новомучеников в истории России и Русской Православной Церкви.

Задачи

Достижению обозначенных целей должны способствовать следующие задачи:

- дать достоверные исторические сведения о причинах и истоках гонений на Церковь (духовенство и верующих мирян) в первой половине XX века;
- раскрыть особенности церковно-государственных отношений на канонической территории Русской Православной Церкви на протяжении XX века (1917–1991 гг.);
- дать представление о сути христианского подвижничества и мученичества ради Христа, христианских духовных и нравственных ценностях;
- дать представление об основных событиях XX века, связанных с гонениями на Церковь (общая хронология);
- определить масштаб утрат (потерь) Церкви за период гонений (обзорно);
- описать социальный портрет новомучеников (обзорно), их стояние в вере в разных ситуациях исповедничества;
- раскрыть значение подвига новомучеников и исповедников, значение примера их жизни в современности, в формировании личности, воспитании современной молодежи.

Место модуля в образовательном процессе

Для образовательных организаций с религиозным (православным) компонентом и православных организаций дополнительного образования учебный модуль «Новомученики и исповедники» рекомендуется сделать составной частью рабочей программы дисциплины «Основы православной веры» (обязательный предмет Стандарта православного компонента начального общего, основного общего, среднего общего образования для образовательных организаций в Российской Федерации, утвержденного Священным Синодом 27 июля 2011 года) в

рамках курса «История Русской Православной Церкви».

Для муниципальных и государственных образовательных организаций данный модуль рекомендуется в качестве отдельного курса при реализации духовно-нравственного направления внеурочной деятельности.

Объем

Для модуля «Новомученики и исповедники Церкви Русской» как части рабочей программы дисциплины «Основы православной веры» рекомендуется минимальный объем 8 учебных часов (для основной и/или старшей школы). По возможности объем может быть увеличен. То же относится к муниципальным и государственным школам — минимальный объем при интеграции материалов в преподавание православной культуры или истории России также составляет 8 учебных часов, или фрагментарное использование материала с учетом возможностей рабочей программы изучаемого учебного предмета, курса. В рамках духовно-нравственного направления внеурочной деятельности — форму использования материала и объем времени на занятия выбирает педагог с учетом содержания реализуемого им внеурочного курса, возможна реализация материала и в качестве отдельного, самостоятельного курса в объеме от 8 учебных часов.

Тематическое содержание модуля

Предлагается цикл из восьми занятий.

	Название занятия	Рассматриваемые темы	Возможная форма занятия	Нравственное понятие
1	Места памяти	Места памяти пострадавших в годы гонений. Бутовский полигон. Общая хронология гонений на Русскую Православную Церковь (основные периоды). Региональные места памяти.	Занятие у карты «Места памяти новомучеников» или выездное занятие в музее или на месте подвига новомучеников, занятие-паломничество, занятие – путешествие во времени	Понятие о христианском мученичестве как сострадании Христу ради любви к Нему и вечной жизни в Царствии Небесном
2	Патриарх-исповедник	Поместный Собор 1917–1918 гг. и восстановление	занятие-исследование, занятие –	О служении, о выборе

		Патриаршества. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всёя России, исповедник. Аполитичность Церкви. Борьба против обновленчества.	исторический портрет, занятие – час подлинника (документальные кадры, фотографии, демонстрация кадров кинохроники, слайдов, аудиозаписи)	
3	Царственные страстотерпцы и с ними пострадавшие	Первые пострадавшие за веру. Царственные страстотерпцы и их верные слуги. Преподобномученица Елисавета и с ней пострадавшие	Занятие- исследование, занятие – исторический портрет, занятие – час подлинника (документальные кадры, фотографии, демонстрация кадров кинохроники, слайдов, аудиозаписи), занятие – работа в архиве (дневники, письма, воспоминания, стихи, рисунки) занятие – работа с музейными предметами	О вере, верности, любви
4	Архиереи- мученики	Икона «Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской». Клейма. Архиереи-мученики. Церковная иерархия. Священномученик Владимир Киевский. Региональный компонент	Занятие перед иконой, занятие- исследование, занятие – работа с документами, занятие – экскурсия- исследование, занятие – час подлинника, занятие-открытие	Ответствен- ность за Церковь и паству
5	«Наше оружие – крест и молитва»	Антирелигиозная деятельность советского правительства (Декрет об отделении Церкви от государства и школы от церкви), изъятие	Занятие-диспут, занятие – круглый стол (противо- поставление, контраст) (использовать газеты,	Любовь- ненависть; вера – неверие; верность – предательство

		церковных ценностей, кампания по вскрытию мощей) и реакция на нее народа России (крестные ходы, молебны, помощь пострадавшим, сохранение святынь и т.д.). Священномученик Вениамин Петроградский. Мученица Татиана Гримблит. Региональный компонент	документы, декларации и т.д.); занятие – имитация деятельности (репортаж, суд и др.); занятие – исторический портрет; занятие – час подлинника	мужество – трусость; надежда – отчаяние
6	Голос Церкви	Стояние в вере. Явная и сокровенная жизнь Церкви. Сколько осталось храмов, архиереев, к началу войны, о тайном монашестве, о старцах и их наставлениях, в т.ч. из заключения, о воспитании молодежи. Региональный компонент	Занятие – работа с документами (Письма из заключения. Письма духовных отцов духовным чадам); Занятие-исследование, занятие – час подлинника, занятие – работа с музейными предметами; занятие – работа в архиве	Стояние в вере; старчество; духовное наставление
7	Исповедники	Церковь в годы Великой отечественной войны и в послевоенный период. Исповедничество. Святитель Лука Крымский. Региональный компонент	Занятие-семинар, конференция (представление творческого отчета в форме сочинения, рассказа, эссе). Детские творческие работы о пострадавших за веру земляках, членах семьи и т.д. (проекты). Занятие – исторический портрет, занятия-исследование	Исповедники, Исповедничество, подвижничество.
8	Собор новомучеников и	Возрождение церковной жизни и прославление новомучеников. О	Занятие – работа в архиве (виртуального),	Возрождение России и Церкви

исповедников Церкви Русской	работе в архивах, составлении житий, обретении мощей. Икона «Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской» – небесная литургия. Региональный компонент	церковного музея, храма. Примеры, свидетельствующие о святости новомучеников. Обращение к святине. Итоговое занятие- конференция	молитвами новомучени- ков.
-----------------------------------	--	--	----------------------------------

Примерный план проведения занятия:

1.	Введение в тему (для первого занятия) или краткое напоминание о предыдущей теме	5 мин.
2.	Чтение художественного отрывка или стихотворения по теме занятия	5 мин.
3.	Объяснение исторического контекста, как общецерковного, так и регионального, если возможно	10 мин.
4.	Объяснение нравственного и религиозного понятия (святость, житие, лики святых, подвижничество, служение, вера, добродетель, грех, страдания за Христа как сострадание Христу, православное богослужение, таинства и др.)	8 мин.
5.	Жития святых и их христианский подвиг (кратко)	12 мин.
6.	Закрепление темы (краткий опрос, тест и т.д.)	3 мин.
7.	Заявка на следующую тему, задание для самостоятельной подготовки, творческое задание	2 мин.
	ВСЕГО	45 мин.

Жития святых новомучеников, рекомендованные для изучения:

- Святитель Тихон (Белавин), Патриарх Московский и всея России, исповедник

- Стратотерпец император Николай II и его семья

- Преподобномученицы великая княгиня Елизавета Феодоровна и инокиня Варвара

- Священномученик Владимир (Богоявленский)

- Священномученик Гермоген (Долганов)

- Священномученик Иларион (Троицкий)

- Священномученик Фаддей (Успенский)

- Священномученик Кирилл (Смирнов)

- Священномученик Петр (Полянский)

- Священномученик Вениамин (Казанский)

- Священномученик Серафим (Чичагов)

- Священноисповедник Лука (Войно-Ясенецкий)

- Священноисповедник Афанасий (Сахаров)

- Священномученик Иоанн Кочуров

- Стратотерпец праведный Евгений Боткин

- Преподобномученик Кронид (Любимов)

- Преподобномученик Игнатий (Лебедев)

- Мученица Татиана Гримблит

- **СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ, ОСОБО ПОЧИТАЕМЫЕ В РАЗНЫХ РЕГИОНАХ**

Учебно-методическое обеспечение

А) Основная литература

1. Головкова Л. А., Хайлова О. И. Пострадавшие за веру и Церковь Христову: 1917–1937 / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
2. Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. В 7 книгах. Тверь: Булат, 1992–2002.
3. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии / Под общей редакцией митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. [В 9 кн.]. Тверь, Булат, 2002–2006.

4. Канонизация святых в XX веке. М.: Комиссия Священного Синода РПЦ по канонизации святых, Изд-во Сретенского монастыря, 1999.
5. *Мазырин А., священник*. Смысл и значение подвига новомучеников и исповедников Российских [Электронный ресурс] // Сайт ПСТГУ. URL: <http://pstgu.ru/news/life/science/2011/05/10/29723/> (дата обращения 9.12.2015).
6. Пострадавшие за веру и Церковь Христову. 1917–1937. М.: Издательство ПСТГУ, 2013.
7. Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2000.
8. *Цыпин В., прот.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.
9. Деяния о канонизации. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. 13–16 августа 2000 г.: Материалы. М., 2001.
10. *Филиппов Б. А.* Путеводитель по истории России 1917–1991: Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010.

Б) Вспомогательная литература

11. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. // Сост. *М. Е. Губонин*. М.: Изд-во ПСТБИ, 1994.
12. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: в 2 кн. / Подг. издания Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Новосибирск: Сибирский хронограф; М.: РОССПЭН, 1997–1998.
13. *Беглов А. Л.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский совет Русской Православной Церкви, 2008.
14. *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М., 1994.
15. *Волков О. В.* Погружение во тьму. М., 1989.
16. Воспоминания соловецких узников / Отв. ред. священник *В. Умнягин*. Соловки: Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, 2013–2015.
17. Все вы в сердце моем: Жизнеописание и духовное наследие священномученика Серафима (Звездинского), епископа Дмитровского / Сост. *И. Г. Меньковой*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.
18. *Галкин А. К., Бовкало А. А.* Избранник Божий и народа: Жизнеописание священномученика Вениамина, митрополита Петроградского и Гдовского. СПб.: «Блокадный храм», 2006.
19. *Голубцов С. А., протодиак.* Московская духовная академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. Основные биографические сведения. М.: Издательство «Мартис», 1999.
20. *Дамаскин (Орловский), игум.* Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. (Январь–июль). Тверь: Булат, 2005–2016.
21. Допрос Патриарха / Сост. *А. Нежный*. М.: Грааль, 1997.
22. *Журавский А. В.* Во имя правды и достоинства Церкви. Жизнеописание и труды священномученика Кирилла Казанского в контексте исторических событий и церковных разделений XX века. М., 2004.
23. За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. Книга первая. М.: ПСТГУ, 2015.

24. *Игнатия, монахиня*. Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья. М.: Издательство Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. (Б-ка журнала «Альфа и Омега»).
25. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики. М.: ПСТГУ, 2006.
26. *Кашеваров А. Н.* Православная Российская Церковь и советское государство (1917–1922). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005.
27. Кифа – Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
28. Книга памяти «Бутовский полигон». М., 2004.
29. *Козаржевский А. Ч.* Церковноприходская жизнь Москвы 1920–1930 гг. Воспоминания прихожанина // ЖМП. 1992. № 11–12; Журнал «Москва». 1996. № 3.
30. *Левитин-Краснов А., Шавров В.* Очерки по истории Русской Церковной смуты. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1996.
31. *Лобанов В. В.* Патриарх Тихон и советская власть (1917–1925 гг.). М.: НП ИД «Русская панорама», 2008.
32. *Мазырин А., иерей*. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах. М.: ПСТГУ, 2006.
33. *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви: 1900–1927. СПб.: «Сатис», 2002.
34. Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. *О. В. Косик*. М.: Изд-во ПСТБИ, 2000.
35. *Мраморнов А. И.* Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858–1918). Саратов: Научная книга, 2006.
36. Неколебимый камень Церкви: Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский) священномученик, на фоне русской церковной истории XX века. СПб.: Наука, 1998.
37. *Островский К., прот.* Святые XX века. Краткие жития для детей. Красногорск: Успенский храм, 2012.
38. *Польский М., прот.* Новые мученики российские. В 2 т. М., 1993.
39. *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
40. «Приспело время подвига...»: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь/сост., автор статьи *Кривошеева Н. А.*. М.: ПСТГУ, 2012.
41. Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника / Сост. *Менькова И. Г.*. В 2 книгах. М.: ПСТГУ, 2005–2006.
42. Русская Православная Церковь 988–1988: Очерки истории 1917–1988 гг. Вып. 2. М.: Изд-во МП, 1988.
43. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М.: ББИ, 1996.
44. Русская Православная Церковь. XX век / *Беглов А. Л., Васильева О. Ю., Журавский А. В. и др.* М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008.
45. *Сафонов Д., иерей*. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время». М., «Покров», 2013.

46. Сафонов Д., свящ. Жизнь и архиерейское служение святителя Илариона [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московской духовной академии. URL: http://www.mpda.ru/site_pub/116836.html (дата обращения 9.12.2015).
47. Следственное дело Патриарха Тихона. Сборник документов Центрального архива ФСБ РФ. М.: ПСТБИ, 2000.
48. Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский)/ Автор-составитель *Сергей Фомин*. М.: Правило веры, 2003.
49. Страсти по мощам: из истории гонений на останки святых в советское время. СПб.: Общество свт. Василия Великого, 1998.
50. *Феодосий (Алмазов), архим.* Мои воспоминания: Записки Соловецкого узника. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995.

В) Электронные ресурсы

1. Православная Энциклопедия. Электронная версия: <http://www.pravenc.ru/>
2. База данных (ПСТГУ) «За Христа пострадавшие»: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans
3. Интернет-проект Соловецкого монастыря «Духовенство Русской Православной Церкви в XX веке»: <http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/>
4. Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви»: <http://www.fond.ru/>.

ЗАНЯТИЕ 1.

У КАРТЫ «МЕСТА ПАМЯТИ НОВОМУЧЕНИКОВ»

Цель занятия: актуализировать историческую память обучающихся, дать им возможность соприкоснуться с живым свидетельством подвига новомучеников.

Задачи занятия:

- ввести обучающихся в тему;
- дать первичные представления о причинах и истоках гонений на Церковь в первой половине XX века;
- дать панораму основных событий XX века, связанных с гонениями на Церковь (общая хронология);
- определить масштаб утрат (потерь) Церкви за период гонений (обзорно);
- описать социальный портрет новомучеников (обзорно).

Форма занятия: урок у карты или выездной урок на месте подвига новомучеников.

Наглядность: икона «Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской», карта России с указанием мест подвигов новомучеников, фотографии новомучеников, фрагменты документальных кадров, плакаты, картины, развороты книг о новомучениках, предметы, письма и др.

ИКТ-технологии: презентации.

Основные понятия: святость, святые, новомученики, подвиг (страдания за Христа как проявление любви ко Христу, Крест Христов, страдания за веру).

План занятия:

1. Введение в тему.
2. Объяснение нового материала.
3. Работа с основными понятиями.
4. Избранные жития новомучеников.
5. Закрепление материала.

Ход занятия:

Введение в тему. Учитель кратко рассказывает о том, кто такие

новомученики. XX век – век серьезных испытаний для России. Еще никогда в своей истории Русская Церковь не подвергалась таким гонениям, которые выпали на ее долю в прошлом столетии: были расстреляны, замучены, сосланы в ссылку миллионы священнослужителей, монахов и мирян, разрушались храмы, уничтожались иконы, церковная утварь, подвергались осквернению святые места, мощи святых и т.д.

Читается фрагмент из художественного произведения (одного или нескольких). Можно использовать музыкальный материал, соответствующий теме.

Работа у карты (групповая или индивидуальная, можно смешанный вариант). Обучающиеся рассказывают о памятных местах подвигов новомучеников – Бутовском полигоне (пример общецерковного значения) и региональных мест памяти (показ наглядного материала: фотографий местности, фотографий участников событий, читаются фрагменты из воспоминаний, писем, документальных источников и др.).

Работа с основными понятиями. Работу можно организовать по группам или индивидуально. Работа со словарями, православной энциклопедией. Учитель может приготовить карточки с определением основных понятий заранее и раздать обучающимся. Далее дети раскрывают свое понимание ключевых понятий через совместное обсуждение. Необходимо пояснить детям, что каждый их ответ должен быть обоснован.

Читается **фрагмент из жития новомученика(ов)** – как расстрелянных на Бутовском полигоне, например, священномученика Серафима (Чичагова) (пример общецерковного значения), так и пострадавших и/или погребенных в местах памяти регионального значения. Основное внимание обращается на христианский подвиг верности Христу и его Церкви, а также на характеристику личностных нравственных качеств святого, которые помогли следовать заповедям Христовым в условиях тяжелейших гонений на Церковь.

Закрепление материала. Подведение итогов занятия можно провести через фронтальный опрос, тест, взаимный вопрос-ответ обучающихся, а также творческие формы – написание мини-рассказа, мини-эссе, краткой аннотации к теме урока, краткой статьи для школьной газеты, письма родителям (близким

родственникам, другу, незнакомому человеку) и др.

Домашнее творческое задание. Можно использовать те же творческие формы, что и при закреплении материала.

**ПРИМЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ
(краткая хрестоматия)**

Василий Никофоров-Волгин

**ЗАУТРЕНЯ СВЯТИТЕЛЕЙ
Под Новый год**

Белые от снежных хлопьев идут вечерними просторными полями Никола Угодник, Сергей Радонежский и Серафим Саровский.

Стелется поземка, звенит от мороза сугробное поле. Завоевает вьюжина. Мороз леденит одинокую снежную землю.

Никола Угодник в старом овчинном тулупе, в больших дырявых валенках. За плечами котомка, в руках посох.

Сергий Радонежский в монашеской рясе. На голове скуфейка, белая от снега, на ногах лапти.

Серафим Саровский в белой ватной свитке идет, сгорбившись, в русских сапогах, опираясь на палочку...

Развеваются от ветра седые бороды. Снег глаза слепит. Холодно святым старцам в одинокой морозной тьме...

– Вьюжит. Не заблудиться бы в поле, – говорит Серафим.

– Не заблудимся, отцы! – добро отвечает Никола. – Я все дороги русские знаю. Скоро дойдем до леса Китежского, а там в церковке Господь сподобит и заутреню отслужить...

– Резвый угодник! – тихо улыбаясь, говорит Сергей, придерживая его за рукав. – Старательный! Сам из чужих краев, а возлюбил землю русскую превыше всех. За что, Никола, полюбил народ наш, грехами затемненный, ходишь по дорогам его скорбным и молишься за него неустанно?

– За что полюбил? – отвечает Никола, глядя в очи Сергия. – Дитя она – Русь!... Цвет тихий, благоуханный... Кроткая дума Господня... дитя Его любимое... Неразумное, но любимое. А кто не возлюбит дитя, кто не умилился цветиками? Русь – это кроткая дума Господня.

– Хорошо ты сказал Никола, про Русь, – тихо прошептал Серафим. – На колени, радости мои, стать хочется перед нею и молиться, как честному образу!

– А как же, отцы святые, – робко спросил Сергей, – годы крови 1917-й, 1918-й и 1919-й? Почто русский народ кровью себя обагрил?

– Покается! – убежденно ответил Никола Угодник.

– Спасется! – твердо сказал Серафим.

– Будем молиться! – прошептал Сергей.

Дошли до маленькой, покрытой снегом лесной церковки.

Затешили перед темными образами свечи и стали служить заутреню.

За стенами церкви гудел снежный китежский лес. Пела вьюга.

Молились святители русской земли в заброшенной лесной церковке о Руси – любви Спасовой, кроткой думе Господней.

А после заутрени вышли из церковки три заступника на паперть и благословили на все четыре конца снежную землю, вьюгу и ночь.

Сергей Бехтеев

СВЯТАЯ НОЧЬ

Посвящено Царской семье – в дни заточения

*Слава в вышних Богу и на земли мир
В человецех благоволение!*

Ночь и мороз на дворе;
Ярко созвездья горят;
В зимнем седом серебре
Молча деревья стоят.

Дивен их снежный убор:
Искр переливчатый рой
Радует трепетный взор
Дивной стоцветной игрой.

Блещут в Тобольске огни,
В мраке сверкая, дрожат;
Здесь в заточеньи Они
Скорбью Монаршей скорбят.

Здесь, далеко от людей,
Лживых и рабских сердец,
В страхе за милых Детей,
Спит их Державный Отец.

Искрятся звезды, горя,
К окнам изгнанников льнут,
Смотрят на ложе Царя,
Смотрят и тихо поют:

«Спи, Страстотерпец Святой
С кротким Семейством Своим;
Ярким венцом над Тобой
Мы величаво горим.

Спи, покоряясь судьбе,
Царь побежденной страны;
Ночь да откроет Тебе
Вещие, светлые сны.

Спи без тревог на челе
В тихую ночь Рождества:

Мы возвещаем земле
Дни Твоего торжества.

Светочи ангельских слез
Льются, о правде скорбя;
Кроткий Младенец Христос
Сам охраняет Тебя!»

Пошли нам, Господи, терпенье...¹

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать,
И крест тяжёлый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас:
И дай покой душе смиренной
В невыносимый смертный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Елена Ерофеева

ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ В СЫЛКЕ (отрывок)

В день Рождества Христова, 25 декабря 1917 года, за богослужением в церкви, битком наполненной народом, было неожиданно для всех провозглашено многолетие царской семье, за что священник был немедленно удален из Тобольска.

Новый батюшка, совершая водосвятие в доме Заключенных, не мог удержаться

¹ После убийства Царской семьи и их верных слуг у Великой княжны Ольги нашли это стихотворение, бережно переписанное ею.

и, низко поклонившись, широким крестом осенил Отрока, а потом поцеловал Его в голову, чем вызвал слезы почти у всех свидетелей этой сцены.

Тобольские холода давали себя чувствовать и отразились на быте семьи. Комнаты царевен стали ледниками. Царевич, весь укутанный, должен был ложиться спать в кровать и долго не мог согреться, лежа в промерзлой постели.

Наступил 1918-й год — последний год жизни Семьи, — и при совершении новогоднего молебна было разрешено помолиться в церкви, так же, как и в Крещение Господне, но с условием: снять погоны. Государь не мог заставить себя сразу подчиниться приказу и, накинув кавказскую бурку, закрыл ею погоны, а Наследник спрятал свои нашивки под башлык.

На домашних богослужениях отсутствовали певчие, и императрица вместе с дочерьми пела за богослужением. Громадное впечатление произвело это пение на караулящих...

Великий князь Константин Константинович Романов (К.Р.)

(Великой княгине Елизавете Федоровне)

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно, под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто
среди зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Валерий Воскобойников

ВЕЛИКОЕ СЛУЖЕНИЕ
Патриарх Московский и всея Руси Тихон
(отрывки)

Выборы Патриарха всея Руси

Война, от которой устали все, продолжалась. На заводах, на кораблях и даже в окопах шли бесконечные митинги. Митинговали под открытым небом на городских площадях, в зданиях, где были залы, в дворянском собрании и в цирке.

Все обсуждали, как жить великой стране дальше, у каждого было свое мнение. Многие были недовольны правительством, газеты писали, что Россия зашла в тупик, из которого нет выхода.

В конце октября 1917 года в Петербурге произошел переворот, и власть взяли большевики. На улицах Москвы в эти дни стреляли пушки, били пулеметы. Кремль переходил из рук в руки.

В это смутное время, 28 октября, Собор решил восстановить патриаршество немедленно.

Сначала, 31 октября, все члены Собора должны были избрать трех кандидатов на самое высокое место в Русской церкви.

Усердно помолившись, они выстроились в длинные очереди, чтобы опустить листки в урны для голосования.

Кандидатами на патриарший престол стали три человека: архиепископ Харьковский Антоний, архиепископ Новгородский Арсений и митрополит Московский Тихон.

Дальнейшее решение было предоставлено воле Божией.

В Храме Христа Спасителя назначили торжественную литургию. Все три кандидата в это время находились дома.

Власть большевиков в те дни окончательно утвердилась в Москве. Для молебна нужна была православная святыня – икона Владимирской Божией Матери, которая находилась в Кремле. После долгих уговоров большевики разрешили перенести ее в храм для молебна. Величественный храм вмещал 12 тысяч человек и был переполнен. Во время молебна прочли особую молитву. Потом митрополит Киевский Владимир, старейший из иерархов, который служил в этот торжественный час, подошел к аналою, взял ларец, в котором были три записки с именами, благословил им народ, разорвал шнур, которым ларец был перевязан, и снял печати.

Все замерли, приближалась историческая минута.

Из алтаря вышел глубокий старец, знаменитый затворник Зосимовой пустыни, которая помещалась недалеко от Троице-Сергиевой Лавры. Ради церковного послушания старец участвовал в Соборе.

Старец Алексей перекрестился и не глядя вынул из ларца записку, подал ее митрополиту Владимиру. Митрополит развернул ее и громко прочитал:

– Тихон, митрополит Московский.

Ликование охватило всех, кто был в храме. Хор вместе с молящимися запел «Тебе Бога хвалим». Многие надеялись, что с обретением Патриарха стране удастся справиться и народ соединится ради доброй и мирной жизни.

Все епископы и огромная толпа верующих отправились на Троицкое подворье, чтобы поздравить теперь уже Патриарха всея Руси Тихона.

Однако Патриарха успели оповестить, и он вышел навстречу процессии спокойный и смиренный.

Архиепископ Антоний сказал приветственное слово и глубоко ему поклонился. Епископы и все верующие поклонились вслед за ним так же глубоко.

Патриарх Тихон поклонился им в ответ и произнес короткую речь. Он больше многих понимал, сколько горя, плачей и страданий принесут будущие годы стране. Быть может, он на мгновение усомнился, сумеет ли вынести эту страшную ношу. Но раз уж именно на него выпал жребий, он должен быть исполнить волю Божию до конца.

Гонения

Через несколько месяцев на всей бывшей Российской империи началась Гражданская война. В местах, где правили большевики, гонения на Церковь стали еще страшнее.

Историки подсчитали, что только за один 1918 год новая власть закрыла 26 монастырей, 94 храма. Ее представители убили 102 священника, 14 диаконов. 94 монаха. Но это было только начало.

Такие унижения, преследования, казни Церковь испытала только в первые века, когда вся сила Римской языческой империи была направлена против христиан. Патриарх понял, что главное – сохранить Церковь. И в безбожном государстве отделенная от него Церковь может оставаться православной. У государства – сила, оружие. У Церкви – истина и стойкость.

Патриарх был готов к любым гонениям против себя, лишь бы сохранить независимость Церкви от безбожных властей. И все-таки с властями нужно было разговаривать. Стараться притупить их оружие, которое они направляли против верующих. И патриарх ежедневно проявлял мудрость и терпение для таких переговоров.

Почему большевикам мешал Бог

Большевикам мешала не только Православная Церковь. Им мешала любая вера, любая религия. Они закрывали храмы католические и протестантские, синагоги и молельные дома.

Большевики объявили миру, что будут создавать новый тип человека. Возможно, этот тип человека был бы не так плох, если бы его не творили злодейскими способами, путем убийств и заключения в тюрьмы миллионов ни в чем не повинных. Большевики хотели построить райское общество на земле без участия Бога. Человечество в который раз само себя обмануло. Упоенные успехами технических изобретений, люди решили, что они самые сильные на земле, сильнее природы и могущественнее Бога, что сами могут стать творцами нового мира. Они впали в очередной соблазн, сами о том не догадываясь. То, что воспитывалось с помощью Церкви сотни лет, большевики старались перечеркнуть, забыть. Они хотели единолично управлять народом. Они обещали людям мир, свободу, землю. Вместо мира страна, уставшая от мировой войны, получила войну гражданскую. Вместо свободы народ получил рабское состояние. Землю, данную крестьянам, очень скоро отобрали, а самих крестьян вернули в крепостное состояние.

Христианская Церковь учила любить врагов. Большевики приучали людей к классовой вражде. Церковь учила прощать, большевики – ненавидеть. Светлое будущее, коммунизм, которое они обещали людям построить, было обыкновенным сатанинским соблазном, только мало кто об этом догадывался.

Бог для большевиков был одним из главных врагов. Они не знали, что любое дело, лишённое Божественного света, оборачивается против того, кто это дело замышляет.

Голод в Поволжье

Летом 1921 года начался голод в Поволжье. Земля, которая воевала семь лет, не могла прокормить своих жителей. На огромных просторах все было сожжено солнцем, есть людям было нечего. Старики, взрослые и дети, умершие от голода, лежали в домах, по обочинам дорог, на деревенских улицах.

Патриарх Тихон призвал верующих отдать все ценное, что есть дома и в церквях, кроме предметов, необходимых для службы. На деньги, вырученные за ценности, комитеты помощи голодающим должны были закупить хлеб.

Но большевикам этого показалась мало. Они воспользовались тем, что народ был испуган голодом, изможден войной, и решили окончательно расправиться с Церковью. Они принялись отнимать священные предметы, которые Церковь трепетно хранила во все века. Даже татаро-монголы во время ига не смели покушаться на эти предметы.

Против такого святотатства восстали сами верующие. Святейший Патриарх не мог допустить полного разграбления церквей и выступил с гневным посланием.

Как бы в ответ тогдашний властитель России Владимир Ленин требовал от своих соратников полностью разгромить Церковь.

«Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, а на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления», – так писал Ленин в своих секретных письмах соратникам.

Главная газета страны «Известия» напечатала «Список врагов народа». Первым в этом списке был Патриарх Тихон «со всем своим церковным Собором».

«Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать», – продолжал призывать Ленин.

В каждом городе, во многих сельских храмах священников или убивали, или отвозили в тюрьмы. Был арестован и Святейший Патриарх Тихон.

Горькие дни переживал он в тюрьме, но оставался таким же мудрым, кротким и добрым. И таким же твердым в вопросах веры.

Несколько священников, запуганных новой властью, а может быть, и по ее приказу, объявили о том, что они создают новую Церковь, обновленную. Они попробовали лишить святителя патриаршего сана. Возможно, они надеялись, что верующие пойдут за ними. Но большинство честных людей от них отвернулись.

Правительства разных стран, известные граждане Европы слали телеграммы в Москву, в которых требовали немедленно вернуть свободу Патриарху. Российские руководители не ожидали, что на защиту Святейшего Патриарха поднимется весь мир, и испугались. 16 июня 1923 года тюремные ворота открылись, и Патриарх вышел на свободу.

Мученица Татиана Гримблит

СТИХИ (1920-е годы)

У Креста

«Не отвержи мене от лица Твоего...»
Умоляю, мой Бог справедливый:
Успокой мое сердце: не жду ничего
Я от жизни земной, прихотливой.

Мне не радость сулит эта жизнь на земле,
Я решила идти за Тобой,
И в награду за то, что служу Красоте,
Мир покроет меня клеветой.

Но во имя Твое все готова терпеть,
Пусть я только лишь горе найду.
За Тебя, мой Господь, я хочу умереть,
За Тебя на страданья пойду.

Мир не понял меня, и над скорбью святой,
Что в своей затаила груди,
Посмеется шутя и, смеясь над Тобой,
Приготовит мне крест впереди.

Но готова служить всей душою Тебе,
Пусть враги мне родные мои;
Утиши мою скорбь, мир усталой душе
Посылай в наши тяжкие дни.

Пусть осудят меня, и не будет друзей,
Я с Тобою останусь одна, —
Только будь неразлучен с душою моею,
Помоги выпить чашу до дна.

Я отраду нашла у Креста Твоего,
И уж в мире от мира ушла,
Мой душевный покой отдала за Него,
Много слез в тишине пролила

Не слезами, а кровью я раны Твои,
Мой Спаситель, готова омыть.
Я хочу, чтоб скорее настали те дни.
Мне бы жизнь за Тебя положить.

Надежда

О надежда, луч небесный,
Чаще душу согревай,
Освещай мне в клетке тесной
Жизнь и силы подавай,

Что б боролась терпеливо,
До победного конца,
Пусть иду я сиротливо
И не жду себе венца.

Мой венец — насмешки, злоба.
Пусть смеются надо мной!
Буду я служить до гроба
Правде, Истине святой.

Желание

Пусть, Боже, недолго мне жить,
Но эти последние годы
Хочу я Тебе посвятить.

В минуту душевной невзгоды
Тебе я молюсь, у Креста
Душевные черпая силы.
И верую, что не мечта
В служенье Тебе до могилы
Надеяться правду найти.
Пусть зло надо мною смеется
На этом суровом пути, —
Слезы не первые льются:
Зло надо добром победить.

Любовь — это правда святая.
Дай силы врагов полюбить,
Завет Твой святой исполняя.

Василий Никифоров – Волгин

ДОРОЖНЫЙ ПОСОХ (отрывок)

Наступил рождественский сочельник. Весь он в снежных хлопьях. На земле тихо. Хочется грезить, что ничего страшного на Руси не произошло. Это только

нам приснилось, только попритчилось... Все мы сегодня, как встарь, запоем «Рождество Твое, Христе Боже наш» и во всех домах затеплим лампы...

Но недолго пришлось мне грезить. Мимо окон повели бывшего городского голову, директора гимназии, несколько человек военных, юношу в гимназической шинели, девушку в одном платье, простоволосую. Седого сгорбленного директора подгоняли ружейными прикладами. Он был без шапки, а городской голова в ночных туфлях.

Сердце мое заметалось. Я вскрикнул и упал.

...Очнулся я к самому вечеру. Савва Григорьевич долго приводил меня в чувство.

— Как же ты, батюшка, служить сегодня будешь? Посмотри в зеркало, ты мертвому подобен! Что это с тобою произошло?

Я ничего не сказал. Помолился, попил святой воды, частицу артоса вкусил и стал совсем здоровым.

* * *

В ночь на третье января к нам постучали.

— Беда, батюшка! — воскликнули вошедшие. — Завтра хотят из собора все иконы вынести, иконостас разрушить, а церковь превратить в кинематограф. Самое же страшное: хотят чудотворную икону Божией Матери на площадь вынести и там расстрелять!

Рассказывают и плачут.

Меня охватила ретивость. По-командирски спрашиваю:

— Сколько вас тут человек?

— Пятеро!

— Так... Ничего не боитесь?

— На какую угодно муку пойдем! — отвечают гулом.

— Так слушайте же меня, чадца моя! — говорю им шепотом. — Чудотворную икону мы должны спасти! Не отдадим ее на поругание!

Савва Григорьевич все понял. Молча пошел в чулан и вынес оттуда топор, долото и молоток. Перекрестились мы и пошли...

На наше счастье, Владычица засыпала землю снегом. В городе ни одного фонарика, ни голосов, ни собачьего лая. Так тихо, словно земля душу свою Богу отдала. К собору идем поодиночке. Я вдоль заборов пробираюсь. Наши уже в соборной ограде. Тут же и лошадка приготовлена. Нас оберегают старые деревья, тяжелые от снега. Оглянулись. Перекрестились. Один из наших по тяжелому замку молотом звякнул — замок распался. Прислушались. Только снег да наше дыхание. Мы вошли в гулкий замороженный собор. Из тяжелого киота сняли древнюю икону Богоматери. Положили ее в сани, прикрыли соломой и, благословясь, тронулись к нашей пещерной церкви. Сама Пресвятая лошадкой нашей правила. Ехали в тишине. Никого не повстречали. Снег заметал наши следы.

К пещере несли Ее на руках, увязая в глубоких сугробах. Я раздумно вспоминал: «Не так ли и предки наши уносили святыни свои в леса, в укромные места, во дни татарского нашествия на Русь?».

Иван Шмелев

РОЖДЕСТВО В МОСКВЕ

Рассказ делового человека

Вот, о Рождестве мы заговорили... А не видавшие прежней России и понятия не имеют, что такое русское Рождество, как его поджидали и как встречали. У нас в Москве знамение его издалека светилось-золотилось куполом-исполином в ночи морозной – Храм Христа Спасителя. Рождество-то Христово – его праздник. На копейку со всей России воздвигался Храм. Силой всего народа вымело из России воителя Наполеона с двенадцатью языки, и к празднику Рождества, 25 декабря 1812 года, не осталось в ее пределах ни одного из врагов ее. И великий Храм-Витязь, в шапке литого золота, отовсюду видный, с какой бы стороны ни въезжал в Москву, освежал в русском сердце великое былое. Бархатный, мягкий гул дивных колоколов его... – разве о нем расскажешь! Где теперь это знамение русской народной силы?!.

Рождество в Москве чувствовалось задолго – веселой, деловой сутолокой.

А самое Рождество – в душе, тихим сияет светом.

Это оно повелевает: со всех вокзалов отходят праздничные составы с теплушками, по особенно низкому тарифу, чуть не грош верста, спальное место каждому. Сотни тысяч едут под Рождество в деревню, на все Святки, везут гостинцы в тугих мешках.

Млеком и медом течет великая русская река...

Вот и канун Рождества – Сочельник. В палево-дымном небе зеленовато-бледно проступают рождественские звезды. Вы не знаете этих звезд российских: они поют. Сердцем можно услышать, только: поют – и славят. Синий бархат затягивает небо, на нем – звездный, хрустальный свет. Где же Вифлеемская?.. Вот она: над Храмом Христа Спасителя. Золотой купол Исполина мерцает смутно. Бархатный, мягкий гул дивных колоколов его плавает над Москвой вечерней, рождественской. О, этот звон морозный... можно ли забыть его?!.. Звон-чудо, звон-виденье. Мелкая суета дней гаснет. Вот воспоют сейчас мощные голоса Собора, ликуя, Всепобедно.

«С на-ми Бог!..»

Священной радостью, гордостью ликования переполняются все сердца.

«Разумейте, язы-и-и-цы-ы... и пок-ко-ряй – теся... Я-ко... с на-а-а-а – ми Бог!»

Боже мой, плакать хочется... нет, не с нами. Нет Исполина-Храма... и Бог не с нами. Бог отошел от нас.

Не спорьте! Бог отошел. Мы каемся.

Звезды поют и славят. Светят пустому месту, испепеленному. Где оно, счастье наше?.. Бог поругаем не бывает. Не спорьте, я видел, знаю. Кротость и покаяние – да будут.

И срок придет. Воздвигнет русский народ, искупивший грехи свои, новый чудесный Храм – Храм Христа и Спасителя, величественней и краше, и ближе сердцу... и на светлых стенах его, возродившийся русский гений расскажет миру о тяжком русском грехе, о русском страдании и покаянии... о русском бездонном горе, о русском освобождении из тьмы... – святую правду. И снова тогда услышат пение звезд и благовест. И вскриком души свободной в вере и уповании воскричат: «С нами Бог!..»

Анна Селезнёва

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО

*«Христос – наша жизнь, свет и покой. С Ним
всегда и везде хорошо».*

Священномученик Вениамин,
митрополит Петроградский
(из письма, написанного за несколько
дней до расстрела).

Христос со мной, и на душе отрада,
Хотя расстрелян скоро буду я.
Покой во мне, и большего не надо.
Христос Спаситель – Свет и Жизнь моя.

Господь излил на тяжкие мученья
Свой чудный мир и радость подарил...
Чем боль сильнее, тем больше утешенье,
Об этом я и раньше говорил.

Но лишь теперь достигла полной меры
Моя борьба в изгнании и лжи...
Но вижу силу Православной Веры.
Христос Спаситель – сладость для души.

Готов других позвать на искушенья
(Ведь Сам Господь нас в горести хранит),
Позвать друзей на Крест и поношенья,
Что б Этот Свет увидели они.

В темнице я, как будто враг народа.
А на дворе, наверное, свежо...
Но здесь Христос! И на душе свобода,
Ведь с Ним всегда и всюду хорошо.

Покоен я... Да будет воля Бога.
За Церковь нашу больше не боюсь.
Пусть тесен путь, но утешений много,
И я душою к Господу стремлюсь!

Христос со мной, и на душе отрада,
Хотя расстрелян скоро буду я.
Покой во мне, и большего не надо.
Христос Спаситель – Свет и Жизнь моя.

Василий Никифоров-Волгин

**В БЕРЕЗОВОМ ЛЕСУ
(Пасхальный этюд)**

Б. Зайцеву

Вечерним березовым лесом идут дед Софрон и внучек Петька. Дед в тулупе. Сгорбленный. Бородка седенькая. Развевает ее весенний ветер.

Под ногами хрустит тонкий стеклянный ледок.

Позади деда внучек Петька.

Маленький. В тулупчике. На глаза лезет тяткин картуз. В руке красные веточки вербы. Пахнет верба ветром, снежным оврагом, весенним солнцем.

Идут, а над ними бирюзовые сумерки, вечернее солнце, гомон грачей, шелест берез.

Гудит нарождающаяся весенняя сила.

Чудится, что в лесных далях затаился белый монастырь, и в нем гудит величавый монастырский звон.

– Это лес звонит. Березы поют. Гудет незримый Господень колокол... Весна идет, – отвечает дед и слабым колеблющимся голосом, в тон белым березам, вечерним сумеркам, смутному весеннему гулу поёт с тихими монашескими переливами: – Чертог Твой вижу, Спасе мой, украшенный...

Кто-то величавый, далекий, сокрытый в лесных глубинах подпевал деду Софрону.

Березы слушали.

– В церковь идем, дедушка?

– В церкву, зоренький, к Светлой заутрени...

– В какую церкву? К Спасу Златоризному... К Спасу Радостному...

– Да она сгорела, дедушка! Большевики летось подожгли. Нетути церкви. Кирпичи да головни одни.

– К Спасу Златоризному... К Спасу! – сурово твердит Софрон. – Восемь десятков туда ходил и до скончания живота моего не оставлю ее. Место там свято. Место благословенно. Там душа праотцев моих... Там жизнь моя, – и опять поет сумрачные страстные песни: – Егда славнии ученицы на умовении вечера просвещашуся...

– Чудной... – солидно ворчит Петька.

Вечерняя земля утихла.

От синих небес, лесных глубин, белых берез, подснежных цветов и от всей души – весенней земли шел незримый молитвенный шепот:

– Тише! Святая ночь!..

– Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет... – пел дед Софрон среди белых утихших берез.

Черной монашеской мантией опустилась ночь, когда дед с внуком подошли к развалинам Спасовой церкви и молча опустились на колени.

– Вот и пришли мы к Спасу Златоризному. Святую ночь встретить, – сквозь слезы шепчет дед. – Ни лампад, ни клира, ни Плащаницы украшенной, ни золотых риз, ни души христианской...

Только Господь, звезды, да березыньки...
Вынимает дед Софрон из котомочки свечу красного воска, ставит ее на место алтаря Господня и возжигает ее.
Горит она светлым звездным пламенем.
Софрон поет в скорбной радости:
– Христос воскрес из мертвых...
Слушали и молились Петька, небо, звезды, березыньки и светлая душа весенней земли.
Похристовался Софроний с внуком, заплакал и сел на развалинах церковки.
– Восемь десятков березовым лесом ходил в эту церковь. На этом месте с тятенькой часто стоял и по его смерти место сие не покинул. Образ тут стоял Спаса Златоризного... Ликом радостный, улыбчивый... А здесь... алтарь. Поклонись, зоренький, месту сему...
От звезд, от берез, свечного огонька, от синих ночных далей шел молитвенный шепот:
– Тише. Святая ночь!
Софрон глядел на звезды и говорил нараспев, словно читал старую священную книгу:
– Отшептала, голуба душа, Русь дедова...
Отшуршала Русь лапотная, странная, богомольная... Быльем заросли тропинки в скиты заветные... Вечная память. Вечный покой.
Кресты снимали. Церкви сожгли. Поборников веры умучили.
Потускнели главы голубые на церквах белых. Не зальются над полями вечерними трезвоны напевные...
Отзвонила Русь звонами утешными.
Не выйдет старичок спозаранок за околицу и не окстится истово за весь мир на восток алеющий.
Девушки не споют песен дедовых.
Опочила Русь богатырская, кондовая, краснощекая.
Вечная память. Вечный покой.
Не разбудит дед внука к заутрени, и не пошуршат они в скит далекий по снегу первопутному, по укачливой выюжине, навстречу дальнему звону.
Не пройдут по дорогам бескрайним старцы с песнями «О рае всесветлом», «О Лазаре и Алексии Божьем человеке»...
Отпели старцы. Отшуршала Русь лапотная...
Отшептала Русь сказки прекрасные...
Вечная память. Вечный покой.
Глядел дед Софрон на звезды и плакал...

Вера Бобринская

ПАСХА В ЛАГЕРЕ, 1931 год

Ветер тучи сорвал и развеял их прочь,
И пахнуло теплом от земли,
Когда встали они и в Пасхальную ночь
Из бараков на поле пришли.

В исхудалых руках – ни свечей, ни креста,
В телогрейках – не в ризах – стоят...
Облачением стала для них темнота,
А их души, как свечи, горят.

Но того торжества на всем лице земли
Ни один не услышал собор,
Когда десять епископов службу вели
И гремел из священников хор.

Когда снова и снова на страстный призыв
Им поля отвечали окрест:
«Он воистину с нами! Воистину – жив!» –
И сверкал искупительный Крест.

Василий Никифоров-Волгин

ПАСХА НА РУБЕЖЕ РОССИИ

1934 год

Несколько лет тому назад я встретил Пасху в селе на берегу Чудского озера.

В Светлую ночь не спится. Я вышел на улицу. Так темно, что не видно граней земли и кажется: небо и земля одна темная синяя мгла, и только в белом Ильинском храме горели огни. И такая тишина, что слышно, как тает снег и шуршит лед, плывущий по озеру.

С того берега, где лежит Россия, дул тонкий предвесенний ветер.

Необычная близость русского берега наполняла душу странным чувством, от которого хотелось креститься на Россию, такую близкую, ощутимую и вместе с тем такую далекую и недоступную.

Где-то ударили в колокол.

Звон далекий, какой-то глубинный, словно звонили на дне озера.

Навстречу мне шел старик, опираясь на костыль. Я спросил его:

– Дедушка! Где звонят?

Старик насторожился, послушал и сказал:

– В России, браток, звонят. Пойдем поближе к озеру, там слышнее.

Долго мы стояли на берегу озера и слушали, как звонила Россия к пасхальной заутрене.

Нет таких слов, чтобы передать во всей полноте сложную гамму настроений, мыслей и чувств, волновавших мою душу, когда я стоял на берегу озера и слушал далекий пасхальный звон.

– Христос Воскресе, – шептал я далекому родному берегу и крестился на Русскую землю.

Василий Голованов

**ГЕОГРАФИЯ СКОРБИ
(отрывок)**

Одно место потрясло меня особенно — это Бутовский полигон километрах в семи на юг от современной Московской кольцевой дороги.

Здесь — прекрасное по своим ландшафтным возможностям место, не случайно оказавшееся в том венце усадеб, которым некогда окружена была старая Москва. Эта усадьба звалась Дрожжино. Парк, пруды, барский дом, конный завод, ипподром. Ее хозяин, И. И. Зимин, был коннозаводчиком. Управлял же имением его племянник, Иван Леонтьевич, жена которого, С. И. Друзякина, была певицей в опере и в свое время считалась одной из лучших исполнительниц партии Татьяны Лариной. Усадебный дух! Дух парка, сада: оранжереи, желтый песок, особенно любимые в подмосковных усадьбах белорозовые маргаритки и, конечно же, забавы. Слон, пущенный в парк для развлечения гостей, обезьянки, лошадки-пони из зверинца помещика Н. О. Сушкина, жившего в недалекой Щербинке. Постоянные наезды гостей из Суханово (имения Волконских), из Астафьево, катание на лодках, фейерверки, танцы дрессированных лошадей на круглой поляне...

Ну а потом — будто скукожилась и прогорела пленка, и — изображение блекнет, блекнет, пока вдруг не возникают какая-то понурая деревня, неухоженный парк, люди в фуражках...

Барский дом уже исчез, но что-то еще узнаваемо: вот конюшня, лошади... А потом снова — провал, скукоживание пленки, ибо метаморфоза неокончательна — бывшему имению Зиминых суждено было стать даже не сельхозколонией ОГПУ, а жутким местом, где всякий дух жизни вытравлен, где смерть торжествует во всей своей голой неумолимости: засекреченным, нигде, ни в каких архивах не значащимся Бутовским расстрельным полигоном.

В 1934 году из Екатерининской пустыни, незадолго до этого превращенной в тюрьму (впоследствии известной как Сухановка — секретная политическая тюрьма НКВД), в Дрожжино на десяти подводах привезли эков.

Жителей деревни, прилегавшей когда-то к усадьбе, почти всех выселили в поселок Подсобное хозяйство, обслуживающий Дом архитекторов «Суханово», разместившийся в имении Волконских. Ну а эки обнесли два гектара леса колючей проволокой и внутри, на месте, где прежде были яблоневый сад и кусок парка, сделали еще одну выгородку: тогда там ни забора не было, ничего — проволоку так и вели по деревьям, она в двух местах, впившись в кору, сохранилась и сегодня. Оставшимся жителям Дрожжино и близлежащего Бутово было объявлено, что здесь будет стрелковый полигон НКВД. Ну, полигон — и ладно. Время было — не для вопросов. Тем более к такой организации.

И вот с конца 1935-го на полигоне стали раздаваться выстрелы. Потом — весь 36-й, 37-й, 38-й... Бывало, стреляли по многу часов подряд. Иногда вроде крики доносились, один раз будто бы даже женский: «Не трогайте меня, не трогайте меня!» На рассвете... Родители, отпуская детей в школу, запрещали им проходить мимо полигона, говоря, что это «скверное место». Конечно, кое о чем они догадывались, да и как не догадываться: почти все работали в НКВД — кто в столовой, кто извозчиком, кто истопником, кто шофером. Был там, в Дрожжино,

мужик, дом у которого, прежде чем все обнесли колючкой, стоял прямо на территории полигона. Так вот он в спецзоне работал, по вечерам...

И все его звали Федька-палач. Хотя он палачом не был. Он на экскаваторе работал. И он-то уж точно знал, почему это место «скверное». Потому что каждый день здесь сотнями расстреливали людей. А он их землей присыпал с помощью бульдозерного ножа, которым был оборудован его экскаватор «Комсомолец». Ну и новые рвы копал – глубина 3 метра, ширина – 4, а длина – хоть 100. Так что по сравнению с тем, что другие знали-видели раз-другой, мельком, возвращаясь с ночной электрички, – проносящиеся мимо «воронки», крытые «автозаки», – он, можно сказать, знал почти все. Но никому не обмолвился ни словом...

Священник Анатолий Жураковский

РОССИЯ, МОЯ РОССИЯ...

(канун праздника Покрова Божией Матери, 1932)

Россия, моя Россия,
Страна несказанных мук,
Целую язвы страстные
Твоих пригвожденных рук.

Ведь в эти руки когда-то
Ты приняла Самого Христа,
А теперь сама распята
На высоте того Креста.

Я с тобой, на руках моих раны,
И из них сочится кровь,
Но в сердце звучит «осанна»
И сильнее смерти любовь.

Впереди я вижу своды
Все тех же тюремных стен,
Одиночку, разлуки годы
И суровый лагерный плен.

Но я все, я все принимаю
И святыням твоим отдаю,
До конца, до самого края
Всю жизнь и всю душу мою

Много нас, подними свои взоры,
Погляди, родная, окрест:
Мы идем от твоих просторов,
Поднимаем твой тяжкий крест.

Мы пришли с тобой на распятые
Разделить твой последний час.
О, раскрой же свои объятия
И прости, и прими всех нас.

Сергей Городецкий

У КАЗАНСКОЙ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

У Казанской Божьей Матери
Тихо теплятся огни.
Жены, дочери и матери
К Ней приходят в эти дни.

И цветы к Ее подножию
Ставят с жаркою мольбой:
«Мать-Дева, силой Божией
Охрани ушедших в бой.

Над врагом победу правую
Дай защитникам Руси,
Дай сразиться им со славою
И от смерти их спаси.

Монахиня Игнатия (Петровская)

СТАРЧЕСТВО В ГОДЫ ГОНЕНИЙ (о преподобномученике Игнатии (Лебедеве))

**Скит
(отрывок)**

Комнатка скита помещалась на чердачной клетке большого семиэтажного дома, стоящего к тому же на порядочной горке. Широкое окно комнаты открывало прекрасный вид на Москву. Среди множества высоких зданий виден был и купол колокольни Петровского монастыря, и главы его церквей. Множество огоньков зажигалось в городе вечером; особо далекой и захватывающей дух становилась тогда перспектива, а сам скит, его тихая комнатка, озаренная светлым образом Знамения Матери Божией, жила совсем иной, тихой и странной жизнью, отдельной от всех этих мерцающих огоньков.

Когда батюшка объяснял путь в скит, он говорил: сначала будет широкая лестница – это мир, а потом узенькая дорожка на чердак – это монашеский путь; там и дверь скита. В ту пору скитские сестры владели еще одной малюсенькой комнаткой, расположенной несколькими ступенями выше их основного жилища,

где хранились кое-какие вещи и съестные припасы. Туда, в эту горенку, к окошку прилетали кормиться сизые голуби. Мать Евпраксия была наделена особой, совершенно исключительной любовью ко всякой твари; тем с большей нежностью ухаживала она за голубями; голуби даже имели там и своих птенцов.

Валерию батюшка решил постригать уже в скиту. Он задолго готовил ее к новому званию, летом 1927 года послал молиться в Саров к преподобному Серафиму, а потом долго и кротко втолковывал ей, к чему она подходит. Немного восторженная по своей натуре, замкнутая и от природы тихая сестра Валерия все это складывала в своем сердце... Был июнь 1928 года. Батюшка нарек имя новой сестре в честь святителя Варсонофия Казанского, своего покровителя в годы казанского жития. <...> Как радовался отец, когда прибавлялось чадо к его малому стаду, как ликовал душой, иногда даже не будучи в силах скрыть своей радости... «Ты на маленького похожа», – сказал Батюшка матери Варсонофии после пострига, указывая на голубиных птенцов, находящихся около горенки.

Незабвенны эти первые дни нашего иночества, о сестры! С чем сравнить, с чем сопоставить их? Рай на земле, небо во всем его объеме, нежная дымка на всех явлениях непосредственного бытия, на всех предметах. Реальная жизнь далеко отступила назад, ощутим только мир внутренних переживаний. Так велика радость, что кажется, всех людей одним объятием прижал бы к своей груди. Может быть, так ранней-ранней весной, когда еще не сошел снег, синеватая пелена тумана щемит сердце, распространяясь над сизыми прутиками кустарников. Все еще чисто и до боли молодо, весна еще почти не начиналась, еще не дотаял снег; все-все, вся твоя духовная жизнь еще впереди вместе с грядущей весной.

Или, может быть, это как раннее весеннее солнце над только что освободившейся от снега землей. Земля черная, влажная, еще холодно, но горячо уже светит солнце и сладко раздаются где-то над этой грудью черной земли звонкие трели жаворонков. Высоко-высоко. Чисто-чисто!..

Многие чувствовали себя после пострига зернышками, попавшими в горсть милостивого отца; и зернышкам от этого – так светло, тепло и радостно: почему они вдруг взяты от других? Они же такие же, как и все, может быть, даже и хуже, но они взяты в любовную горсть... и им отрадно. Так созидался постепенно новый образ жизни, новый человек, инок.

Но, Боже мой, сколько неожиданных и тяжелых скорбей набегало вслед за величайшей духовной радостью «нового рождения». Скорби возникали в семьях, где новые инокини продолжали свою жизнь, так как скит не мог вместить всех для проживания. Скорби начинались на работе и становились для новых невест Христовых настоящим крестом. Скорби возникали внутри, в обществе новых сестер, где различие в положении, образовании не сразу изживались, и что самое страшное... скорби возникали и между старцем и его духовным чадом, иногда доходя до больших пределов и длясь долгое время. Так усвершенся внутренний человек. Батюшка все это знал и предупреждал, что доброму делу «предшествует или последует искушение»...

<...> Рассказывая батюшке о радости своего нового бытия, мать Варсонофия говорила о том, как у нее на работе за городом светлячки в ночной тишине светят изумрудным светом у корней молодых березок в не скошенной еще траве. Батюшка благословил ей привезти этих чудесных червячков в скит. И вот в букете гвоздики ко дню Боголюбивой Божией Матери в тихой комнатке скита должны были зажечь вечером свои зеленые фонарики привезенные из-за города светлячки.

Владыка Варфоломей был прав, когда не благословил батюшке в свое время уйти на покой, ссылаясь на то, что дело его далеко не закончено. Действительно, в 1928 году вдруг с разных сторон к батюшке нахлынули люди, ставшие со временем такими же близкими ему, как и скитские сестры. <...> Судьба большинства братьев наших неизвестна нам: всем им почти без исключения пришлось исповедывать имя Христово, и дальнейший их путь открыт единому Господу.

Надежда Павлович

**НОВОМУЧЕНИКАМ И ИСПОВЕДНИКАМ РОССИЙСКИМ,
ОТ БЕЗБОЖНИКОВ ИЗБИЕННЫМ**

***²

Цынготные, изъеденные вшами,
Сухарь обглоданный в руке, –
Встаете вы суровыми рядами
И в святцах русских и в моей тоске.

Вас хоронили запросто, без гроба,
В убогих рясах, в том, в чем шли.
Вас хоронили наши страх и злоба
И черный ветер северной земли.

В бараках душных, по дорогам Коми,
На пристанях, под снегом и дождем,
Как люди, плакали о детях и о доме,
И падали, как люди, под крестом.

Без имени, без чуда, в смертной дрожи
Оставлены в последний час,
Но судит ваша смерть, как пламень Божий,
И осуждает нас.

Есть где-то далеко река на заре золотая,
Там грузят барку подневольные милые руки.
Над озером синим несутся гусиные стаи,
Любовь возрастает в скорбях и в разлуке.

Храм наш крепко заперт, заперт крепко,
Светел, тих и прост.

² Приводятся по книге «Пастырь Добрый». – М.: «Паломник», 1997 г. Составителем указано, что достоверно установлено авторство Н. Павлович только одного стихотворения – «Цынготные, изъеденные вшами...». Но в архиве Ирины Сергеевны Мечевой, дочери священномученика Сергия, все приводимые ниже стихи были объединены в единый цикл.

Пред иконами чернеют ленты крепа,
Как в Великий Пост.

Благовещенскую чашу
ты поднял.
Нищету и косность нашу
Причащал.

И опухший, маленький, горбатый,
Он пошел в Нарым.
Стань же, храм наш, райскою палатой
Перед ним.

Был другой, спокоен, строг и светел
Весь, как луч,
Тайно помяни нас на рассвете
Средь уральских круч.

И в бараке задымленном, душном
Он неколебим.
Райской лестницей воздушной
Засияй пред ним.

Вот слепец, но в душу смотрят очи,
Ничего, что слаб,
И тебя во мрак острожной ночи
Гнал этап.

И склонивший под Христово иго
Молодость свою,
И тебя, простец, над вечной книгой
Узнаю.

Но того, кто всю подъемлет муку
На плечи свои,
Ангельскою песней убаюкай
И благослови.

Веянием покоя неземного
Освежи его уста,
Вместе стать нам даруй снова
У Креста.

Что нам осталось? Храм наш взят,
С могилы крест высокий снят
И листья первые весны
Морозом сожжены.

Но знаем мы: издалека
Благословившая рука
На жизнь, на скорбь, на смертный час
Соединяет нас.

Только солнце знает радость,
Только птицы славят Бога,
Только ветви крестным взмахом
Осеняют нам дорогу.

Ни приветствовать любимых,
Ни советоваться с братом,
Вера скрыта, церкви скрыты,
Тельный крест в одежде спрятан.

Но душой освобожденной
Отрываясь от земного,
Мы, встречаясь, чертим рыбу
Символ имени Христова.

Я люблю тебя, мой тихий вечер,
Ночь после вечерни так тиха,
Словно нет и не было греха.
Словно вместе я со всеми вами,
На кого не смею посмотреть,
Словно на любимом нашем храме
Продолжает колокол гудеть.
Словно я к ногам отца припала,
И прозрачна стала темнота,
Словно от руки его усталой
Надо мною знаменье креста.

Борис Ширяев

НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА

“Утешительный поп” (в сокращении)

Фамилии его я не помню, да и немногие знали ее на Соловках. Она была не нужна, потому что “Утешительного попа”, отца Никодима, и без нее знали не только в кремлевском муравейнике, но и в Муксомломском богоспасаемом затишье, и в Савватиеве, и на Анзере, и на мелких, затерянных в дебрях командировках. Так сложилась его соловецкая судьбина – везде побывал.

Ссылное духовенство – архиереи, священники, монахи, – прибыв на остров и пройдя обязательный стаж общих работ и жительства в Преображенском соборе, обычно размещалось в шестой роте, относительно привилегированной, освобожденной от проверок и имевшей право выхода из кремля. Но для того, чтобы попасть в нее, одного духовного сана было мало, надо было запастись и соответствующей статьёй, каравшей за антисоветскую агитацию, преступное сообщество, шпионаж или какое-нибудь иное контрреволюционное действие, а отец Никодим был осужден Полтавской тройкой НКВД за преступление по должности. Вот именно это отсутствие какой-либо контрреволюции в прошлой жизни отца Никодима и закрывало ему двери в тихий, спокойный приют. <...> Священствовавший более пятидесяти лет иерей, отец Никодим, кружил по всем командировкам то в качестве лесоруба, то скотника, то рыбака, то счетовода.

К политике он, действительно, не имел никакого отношения ни в настоящем, ни в прошлом.

– Кого-кого только в нашем селе ни побывало, – рассказывал он, – и красные, и белые, и немцы, и петлюровцы, и какие-то еще балбачановцы... всех повидал... Село-то наше стоит на тракту, что от Сум на Полтаву идет. А мне – всё единственно, что белые, что красные. Все сыны Божие, люди-человечки грешные. Господь на суде Своем не спросит, кто красный, кто белый, и я не спрашивал.

– А не обижали вас, батюшка?

– Нет. Какие же обиды? Ну, пасеку мою разорили... Что ж, это дело военное. Хлебают солдат свои щи... Год хлебают, другой хлебают, так ведь и медку захочется, – а где взять? А они, пчелки-то, твари Божие, не ведают, кому медок собирают – мне ли, солдату ли? Им единственно, на кого трудиться, ну и мне обиды быть не может.

– Не смеялись над вами?

– Это бывало, – засмеется сам отец Никодим, и мелкие морщинки, как резвые детишки, сбегутся к его выцветшим, с хитринкой, глазкам, – бывало даже часто. <...> Раз на собрание меня потребовали, как бы на диспут. Оратор ихний меня вопрошает:

– Ответьте, служитель культа, подтверждаете ли, что Бог в шесть дней весь мир сотворил?

– Подтверждаю, – говорю, – в Писании так сказано...

– А современная наука доказывает, что за такой малый срок ничего создано быть не может. На этот процесс миллионы тысячелетий требуются, а не дни.

– А какие дни? – вопрошаю.

– Как какие? Обыкновенные. Двадцать четыре часа – сутки.
– А ты по науке читал, что на планиде Сатурне день больше двух лет выходит?
– Это, – говорит, – верно. Астрономия подтверждает.
– А у Господа, Творца вселенной, какие дни? Это тебе известно? Земные человеческие или сатурнальные? Его день-то может в сто миллионов лет вскочит! Что ж Он, Бог-то, по гудку, что ли, на работу выходит? Эх, ты, философ, не решивший вопросов, хотел надо мною посмеяться, а вышло ему самому посрамление.

– За что же вас всё-таки посадили?

– Правильно посадили. Должностное преступление совершил.

– Да какая же у вас должность была?

– Как какая? Своя, иерейская, по чину положенная: рожденных – крестить, во плоти укрепившихся – венчать, Господом прибранных – отпевать и напутствовать. Дела хватало! Я его и выполнял по старинке: крещу, венчаю, хороню и в свои книги церковные записываю. Ан, новая-то власть новой формы требует: без свидетельства из города не венчать, без врачебного удостоверения не хоронить... <...> Входил в положение – хоронил. Новые правила должности своей нарушал, конечно. За то и осужден.

Свои пастырские обязанности отец Никодим выполнял и на Соловках.

<...> – Попа и в рогоже узнаешь, – говорится в народе, а меня-то и узнавать нечего, без того все знают. Кроме того, не рогожа на мне, а материал знатный, в Киеве купил. Починить бы толком – век служил бы еще... Всё же “нужное” у меня в исправности.

Это “нужное” составляли: искусно вырезанный из дерева наперсный крест на веревочке, носившийся под одеждою, епитрахиль суконная, короткая, подбитая легким слоем ваты, и дароносица из плоской немецкой солдатской кружки с ловко подогнанной крышечкой.

– Зачем же вы епитрахиль-то ватой подстегали? Отец Никодим хитро улыбался.

– От соблазну. В случае обыска – чекист ее отобрать обязан. А я в грех его не введу, на себя грех возьму – нагрудничек по древности моей от кашля, а в кружечке – лекарство. Ему и свободно будет всё мне оставить.

С этим “нужным” для его перевалившего за полвека служения отец Никодим никогда не расставался. Святую литургию он совершал ежедневно, встав раньше всех и забравшись в укромный уголок. Спал он по-стариковски, не более двух-трех часов.

– Потому при себе ношу, что служение мое всегда может потребоваться. В Господа же верую в тайнике своей души все. Раз заехал к нам важный комиссар, с орденом. Закончил он свои дела и в сад ко мне идет, садок у меня был любительский, редкие сорта я разве пасека там же...

Комиссар со мною вежливо... всё осмотрел, похвалил. Чай со свежим медком сели пить, разговорились.

– Как это вы, – говорит, – в садоводстве, в пчеловодстве и прочей ботанике столь сведущий, предпочитаете мракобесием своим заниматься, людей морочить? Шли бы к нам в земотдел инструктором – полезным бы человеком стали...

– А вы, – спрашиваю, – господин-товарищ, действительно в Господа не веруете? Он даже обиделся.

– Странный вопрос! Как же я верить буду, раз я коммунист, а кроме того, человек сознательный, интеллигентный...

– Так вы никогда, ни разу, сознательным став Имя Его святое не призывали? Смутился мой комиссар.

– Было такое дело; – говорит, – наскочили казаки ночью на наш обоз. Я, как был в подштанниках, под тачанку. А казак приметил. Кружится на коне окрест тачанки и пикой меня достать норовит. А я, как заяц, то к передку, то к задку перескакиваю. Тут-то и Бога, и Богородицу, и Николу Угодника, всех вспомнил. Махнул на меня рукой казак и ускакал. Тут я перекрестился. Верно. Но ведь это от страха, а страх есть основа религии...

– Отчего же вы от страха иное имя не призвали?

– Пережитки... – потупился мой комиссар.

<...> От выполнения своего служения отец Никодим никогда не отказывался. Служил шепотком в уголках молебны и панихиды, исповедывал и приобщал Св. Тайн с деревянной струганой лжицы. Таинство Евхаристии он совершал над водой с клюквенным соком.

– Вина где ж я достану? А клюковка, она есть тоже виноград стран полуночных и тот же Виноградарь ее произрастил. Нет в том греха.

По просьбе группы офицеров он отслужил в лесу, на могиле расстрелянных, панихиду по ним и Царе-Искупителе. Его же под видом плотника проводили в театр к пожелавшим говеть женщинам. Шпана ухитрялась протаскивать его через окно в лазарет к умирающим, что было очень трудно и рискованно. Никто из духовенства не шел на такие авантюры. Ведь попадись он – не миновать горы Секирной. Но отец Никодим ни ее, ни прибавки срока не боялся.

– Что мне могут сделать? Ведь восьмого-то десятка всего один годик мне остался. Прибавляй, убавляй мне срок человеческий, Господнего срока не изменишь! А с венцом мученическим перед Престолом Его мне, иерею, предстать пристойнее, – скажет отец Никодим и засмеется дробным стариковским смехом. Побегут к глазам лучистые морщинки, и поверишь, что так – светлою, веселою радостью переступит он предельную черту.

С этою радостью прошел он весь свой долгий жизненный путь. С нею не расставался он и в дни свои последние, соловецкие. Этой же радостью своей стремился он поделиться с каждым, плеснуть на него водой жизни из сосуда Духа своего. За то и прозвали его “утешительным”.

<...> Как ручеек из-под снега, журчит тихая речь Утешительного попа. Смывает с души тоску ручеек... Светлеет чадная тьма барака. <...> Вспыхивала радужным светом Надежда. Загоралась пламенем Вера, входили они в черное, опустошенное, перегорелое сердце, а из другого, светлого, лучисто улыбалась им Любовь и Мудрость немудрящего русского деревенского Утешительного попа.

<...> Но Секирки и мученического венца отец Никодим не миновал. На первый день Рождества вздумали всем лесным бараком – человек двадцать в нём жило – обедню отслужить затемно, до подъема, пока дверей еще не отпирали. Но, видно, припозднились. Отпирает охрана барак, а там отец Никодим Херувимскую с двумя казаками поет. Молившиеся успели разбежаться по нарам, а эти трое были уличены.

– Ты что, поп, опиум здесь разводишь?

Отец Никодим не отвечает – обедню прерывать нельзя – только рукой помахивает.

Все трое пошли на Секирку.

Весной я спросил одного из немногих, вырвавшихся оттуда, знает ли он отца Никодима?

– Утешительного попа? Да кто же его не знает на Секирке! Целыми ночами нам в штабелях “священные сказки” рассказывал.

– В каких штабелях?

– Не знаете? Не побывали еще в них? Ну, объясню. Зимой Секирная церковь, где живут штрафные, не отапливается. Верхняя одежда и одеяла отобраны. Так мы такой способ изобрели: спать штабелями, как баланы кладут. Ложатся четыре человека в ряд, на бок. На них – четыре поперек, а на тех еще четыре, снова накрест. Сверху весь штабель имеющимся в наличии барахлом укрывают. Внутри надышат и тепло. Редко кто замерзнет, если упаковка тщательная. Укладывались же мы прямо после вечерней поверки. Заснуть, конечно, не можем сразу. Вот и слушаем “священные сказки” Утешительного попа... и на душе светлеет...

Отца Никодима у нас все уважали, епитрахиль ему соорудили, крест, дароносицу...

– Когда же он срок кончает?

– Кончил. На самую Пасху. Отслужил ночью в уголке Светлую Заутреню, похристосовался с нами. Потом в штабель легли досыпать, он же про Воскресение Христово «сказку» сказал, а наутро разобрали штабель – не встает наш Утешительный. Мы его будим, а он холодный уже. Надо полагать, придушился – в нижний ряд попал. Это бывало. Сколько человек он у нас за зиму напутствовал, а сам без напутствия в дальний путь пошел...

Впрочем, зачем ему оно? Он сам дорогу знает.

Монах Лазарь (В. Афанасьев)

СВЯТАЯ РУСЬ

Вот я за карандаш берусь
И Богу я молюсь притом,
Нарисовать хочу я Русь
На этом вот листе большом.

Святую Русь, которой след
Не смывает потоком грозных бед.
В чем Русь моя заключена?
Да в храмах молится она.

И храмов этих не один
Был ею поднят из руин,
И были в посрамленье зла
Отлиты вновь колокола.

Вот это – отрок, сверстник мой,
Он, в золотистом стихаре,

С благоговейною душой
Прислуживает в алтаре.

Он пребывает в храме том
Как в небесах перед Христом.
Да, он один из тех, кто здесь
Евангельскую слышит весть,

Что здесь стоят к плечу плечо,
Молясь и каясь горячо,
Тех пожилых и молодых
Людей Руси – да, он из них.

Их Русь Святая шлет сюда, –
Деревни, сёла, города, –
Чтоб за покойных и живых
Шла в небеса молитва их,

Чтоб правдой Божией сильна
Душой воспрянула страна.
Да, бита Русь! Но побороть
Души ее не даст Господь,

Поскольку есть молитва в ней, –
А кто же Господа сильней?
И вот я Господу молюсь:
Спаси мою Святую Русь!

Епископ Каскеленский Геннадий (Гоголев)

КО ДНЮ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

Что вам слышится? Оклик конвоя?
Лязг затвора и выстрел глухой?
Незнакомое чувство святое
В этот миг овладеет душой.

С каждым часом сильней и смелее
Из души это чувство росло,
А на карточке желтой — острее
Иссушенное пыткой чело.

В нем слились и упорство, и воля,
Понесенных скорбей торжество,
И огромное озеро горя
В глубине напитало его.

Иерархи в униженном сане,
Лица старых монахов, дьячков
С этих карточек смотрят очами
В новый век на далеких сынов.

Как вы выжили? Как сохранила
Вашу душу седая тюрьма?
Не сломала вас, не убила,
Не свела на допросах с ума?

Словно дети, рыдали и лгали
Здесь герои Гражданской войны.
Только вы в кабинетах молчали,
Не признав клеветы и вины.

Истощились до тени, до нитки,
И не дав торжества палачам,
Претерпели бессонные пытки,
Убивающий свет по ночам.

А наутро, лишь солнце украсит
Над тюрьмою лазоревый свод,
Сам Христос, молчалив и прекрасен
За Собою вас в рай поведет.

Анна Селезнёва

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО В РОССИИ

Я смотрю календарь: имена исповедников наших!
И невольно душа содрогнется, скорбя о былом.
Этот белый листок именами Страдальцев украшен:
Тот, кто верен Христу, был гоним, не смирившись со злом!

Это было... услышь! Это было недавно в России!
Даже век не прошел, недалёки те злые года.
Это родственник наш был расстрелян, сожжен за Мессию!
Это родственник наш заморожен, распят за Христа!

И замолкли тогда на Руси колокольные звоны.
Раны этих годов до сих пор по России видны.
Но теперь в наших храмах вам пишут с любовью иконы.
И сердца наши к вам благодарной молитвы полны!

Оглавление

Пояснительная записка.....	
Цель и задачи модуля	
Место модуля в образовательном процессе	
Тематическое содержание модуля.....	
Примерный план проведения занятия.....	
Жития святых новомучеников, рекомендованные для изучения (список).....	
Учебно-методическое обеспечение.....	
Пример построения занятия.....	
Примеры художественных произведений для использования на занятиях (краткая хрестоматия)	